

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗУМ В КОНТЕКСТЕ ЕГО МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАЦИЙ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Торубарова Татьяна Викторовна

Д.ф.н., профессор, Курский государственный университет
 ttorubarova@rambler.ru

IDEOLOGICAL MIND IN THE CONTEXT OF ITS METAPHYSICAL DETERMINATIONS (HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)

T. Torubarova

Summary: The article reveals the essence and specifics of the ideological mind. The metaphysical context of the constitution of the ideological dimension of consciousness is exploited, determined by the understanding of being as a will, which receives its expression in the metaphysics of the will of the class of K. Marx, the will to power of F. Nietzsche, the dominance of the instinctive component of human life in psychoanalysis. Problematic is shown that determines the specifics of this kind of mind situation in the context of the thoughts of Hegel and S. Kierkegaard. Mechanisms of action of ideological consciousness are analyzed.

Keywords: ideological mind, metaphysics, illusion, functionality, systematization, will, ideals, social structures.

Аннотация: В статье раскрывается сущность и специфика идеологического разума. Эксплицируется метафизический контекст конституирования идеологического измерения сознания, детерминированного пониманием бытия как воли, получающего свое выражение в метафизике воли класса К. Маркса, воли к власти Ф. Ницше, господстве инстинктивной составляющей жизни человека в психоанализе. Проявлена проблематичность, определяющая специфику такого рода ситуации разума в контексте мысли Гегеля и С. Кьеркегора. Анализируются механизмы действия идеологического сознания.

Ключевые слова: идеологический разум, метафизика, иллюзия, функциональность, систематизация, воля, идеалы, социальные структуры.

Социальная жизнь порождает саму себя, и вместе с ней она порождает в нас стремления, идеалы и мечтания. В аморфных социальных структурах идеологический элемент в обществе обретает тенденцию становиться всеобщим и самодовлеющим в своём характере. Мало того он начинает осуществлять претензию быть единственным элементом сознания, не терпящим рядом с собой ни науку, ни философию, ни даже искусство, ни тем более религию. Все это идеология стремится использовать и контролировать.

Обратимся к ситуации разума, идеологическое измерение которого становится его сущностной компонентой. Речь идет о такого рода духовном состоянии общества, в котором утверждаются связи и отношения, становящиеся предметом специальной организации и регулирования. Способ регуляции задается путем обработки сознания и стандартизации мышления от имени истинного замысла, знания лиц, вверенных в истинный план подлинной структуры общества. Эта посылка продиктована «благими намерениями» раскрыть и реализовать истинные тенденции устройства человеческого общежития и на благо всего человечества. Такого рода сознательные акты, претендующие на универсальность и устанавливающиеся на их основе связи и отноше-

ния, являются идеологическим в той мере, в какой они способны быть действенными и эффективными в продуцировании социальной действительности как некоей управляемой и контролируемой структуры. Идеологический разум конституирует социальную ткань через организацию социальных структур и управления общественным сознанием.

Будучи продуктом эпохи Просвещения, идеологический разум во всеоружии собственных идей и идеалов стремится конституировать себя во всевластии идей и ценностных установок, заранее известной праведности. Этот разум образует пространство собственной распорядительности в континууме властных отношений, пренебрегая и подчиняя себе все, что не соответствует его провиденциальному плану, идеям и идеалам как критериям устанавливаемой им справедливости. Как писал М. Хайдеггер: «... наступила эпоха не постижения истины, а установления «справедливости» и утверждения заранее известной «праведности...» [10, с. 188]. Решение этой задачи в истине как таковой не нуждается, а лишь в представлениях, которые должны выполнять определённую функцию, то есть регулировать человеческие связи и отношения в плане их воспроизводимости и эффективности. Они должны быть прежде всего действительно эф-

фективными, коль скоро фундаментальным измерением такого разума оказывается воля.

Воля в политико-экономической реальности самоутверждает себя в ранге высшей инстанции, задающей ключевые проекты человеческого существования. Тогда уже разумность как таковая уходит на второй план, а все отдается на откуп господству и властвованию, стремящейся к собственному обеспечению воли. Разум на службе воли реализует свою сущность в стремлении подчинять себе все сущее, включая человека и властвовать, уполномочивая себя говорить от имени Истины. Такая привилегированная позиция обеспечивает ему гарантии утверждать себя в своих идеях и осуществлять их в действительности. Обольщаясь светом собственных идеалов, этот разум призван вносить «сознание» во все то, что является для него ценным материалом. Появляются вожди, облеченные властью и осуществляющие свою историческую миссию - нести свет в массы, устанавливать справедливость и повсеместно утверждать заранее знаемую праведность.

Идеологический разум выполняет функцию социализации людей как субъектов определенных общественных отношений. М.К. Мамардашвили разъясняет: «Идеологией является такая совокупность представлений, которая служит для того, чтобы соединять людей вместе в те или иные социальные структуры. Иными словами, идеология есть как бы клей социальных структур, способ гомогенизации, или делания однородными, социальных структур» [5, с. 64].

Идеология постигалась К. Марксом через понятие ложного или иллюзорного сознания.

Иллюзорность определяется через такую совокупность представлений, которые являются общественно необходимыми, то есть предзаданными и конституируемыми самим общественным процессом. Речь идёт об универсальных образованиях сознания, призванных функционально обеспечивать слаженную работу социальных структур. Универсальные функции иллюзорного сознания заключаются в придании стихийным общественным представлениям видимости; систематизации их в качестве необходимых элементов жизнеобеспечения конкретных социальных отношений. Другими словами, стихийные общественные представления получают духовную санкцию или идеологическое освящение.

Это сознание считает себя самодостаточным, конечной и самодовлеющей инстанцией; полагает себя представляющим интересы «униженных и оскорбленных», эксплуатируемых и обездоленных. Оно есть, как бы «чистое» сознание, в котором прозрачно проявляются интересы и чаяния громадного большинства всего человечества. В обществе стихийно возникают различные

представления, а идеология осуществляет их систематизацию. Стихийно складывается тот или иной элемент сознательной жизни, а затем этот элемент, например мораль или здравый смысл, ставится под вопрос, оказывается подозрительным, рассматривается как иллюзия и заблуждение, и важно придать этому заблуждению какое-то основание, - и вся эта работа освещения имеет идеологический характер. Как пишет К. Маркс: «Представления, которые создают себе ... индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо о том, что такое они сами... Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений» [7, с. 19].

Обычная, казалось бы, активность разума оказывается во многом схожей с идеологической работой. До сих пор разум, по определению, призван постигать истину, устанавливать во всём постигаемом сущем рациональные связи и отношения. Все то, что ранее существовало стихийно, рождалось общественными процессами для обеспечения жизни и сохранения социального порядка, все это становится теперь делом идеологии, которая обретает характер секуляризированной религии. Это своего рода работа, призванная задним числом оправдать существующий порядок вещей, который проистекает якобы из глубочайших оснований познания. Допущение, что разум может быть не поиском истины, а систематизацией человеческих притязаний к обществу, к жизни и к миру в целом, такого рода разум обретает уже идеологическое измерение. Он по своей сути является уже изначально прозревающим, и наряду с его преобладанием возникает «эпоха подозрения». Ведущей установкой разума является уже не столько сомнение, сколько подозрение, причем даже по отношению к мысли и сознанию. Ясно, что люди лгут, а идеологию квалифицируют как ложное сознание. Но если кто-то намеренно говорит ложь, значит он знает истину. Однако, в компетенцию философии не входят ни намерения, ни мотивы или способности, то есть психологические вопросы такого рода, включая и сознательную ложь. А здесь речь идет уже не о таком разуме, который обретает решимость ставить все под сомнение ради поиска несомненного и абсолютно достоверного основания, но о разуме, который готов ставить все под подозрение. Это и есть идеологический разум, устанавливающий для себя позицию подозрения, разум, подозревающий все то, что он не способен и не в силах контролировать. Подозревающий разум, будучи изначально «подмигивающим», стремится все контролировать и удержать в поле своей распорядительности. Многое может случиться в мысли и в сознании, но, если оно не контролируемо, то, в силу уже только этого обстоятельства, должно подлежать подозрению. Такой разум:

«... являет себя в проектах воли, освобождения и влaствования, подчинения и господства. Иных измерений, разум, подчинённый воли к освобождению и властвованию, уже просто-напросто не знает. Вот из чего происходит его «хитрость» в истории (Гегель), идеологическая обреченность (Маркс), инструментальность, которая обеспечивает волю к господству и властвованию (Ницше). И разум... подчиняющий себе все сущее, оказывается после Ницше — и господствующей до сих пор в наше время, в конце XX в., - мстительно-завистливым, стремящимся подчинить себе весь мир... такой разум, обременённый интенциями мстительности и зависти, в своем стремлении всё и вся подчинять и контролировать, оказывается лишенным мира как такового» [9, с. 23].

Понятие идеологии предполагает, что в самой нашей мысли, которая входит в сферу чистого, так сказать, сознания, внутри самой нашей мысли могут иметь место ею же неконтролируемые процессы, связи и разного рода допущения. В силу наличия всего этого в сфере сознания возникает психоанализ, которому все это как раз и подлeжит. В самом мышлении, которое, казалось бы, само себя знает, могут случаться такие вещи, о которых оно не ведаёт и о существовании их оно даже и не подозревает. Сознание может заключать в себе косвенные мысли и стремления. Косвенные процедуры имеют место и в самом языке. В период Нового времени язык понимается как инструмент непосредственного выражения аналитически ясного содержания мысли как таковой. Однако, и сам язык содержит в себе косвенные вещи, неизвестные мыслящему и говорящему человеку. В языке и в самом мышлении существуют весьма действенные механизмы и процессы, которые не контролируются инстанцией самосознания.

Такого рода механизмы и процессы могут выявляться с помощью психоанализа и классового анализа. Уже в философии Просвещения, скажем в мышлении Вольтера, Дидро и Руссо работал неизвестный этим мыслителям механизм классовых отношений. В сфере сознания появляется нечто сходное с разумом, но не являющееся разумом и не имеющее никакого отношения к разумности как таковой. В политико-экономической реальности возникают личностные и даже творческие элементы, которые блокируют саму возможность самостоятельного и независимого мышления. В 1889 году появилась книга Ф. Ницше с весьма характерным названием: «Сумерки идолов, или как философствуют молотом». Он уже год до выхода в печати этой книги находился в психиатрической клинике, из которой он уже никогда не вышел. Вот есть языческие идолы божков, сделанные из камня или золота, и мы их простукиваем молоточком, выясняя есть ли в них пустота или они цельные, не имеющие внутри никаких пустот. «Сумерки идолов» — это «Закат богов» или «Гибель богов». На заре новоевропейской философии Ф. Бэкон вводит слово «идол», который характеризует

навязчивые идеи, устраняющие возможность существования свободной исследовательской мысли. Это есть «идолы пещеры», «идолы театра» и т.д. Очищение разума от всех этих идолов становится одной из основных тем новоевропейской философии. И в конце XIX столетия Ницше ставит перед собой ту же самую задачу, то есть очищение сознания от разного рода идолов. Но основным идолом в философии, согласно Ницше, оказывается сам разум, то есть вся совокупность рациональных представлений, включая саму науку, которая делает разум усредненным и стандартизированным. Сама истина, говорит Ницше, есть вечный идол «усредненного» разума, оправдавшее себя в практике человеческой жизни заблуждение. А это уже есть полное предвосхищение прагматизма, - единственное философское направление, которое прижилось на американской почве и основателями которого считают У. Джемса и Дж. Дьюи. Прижился ещё психоанализ, но это уже другой вопрос. Понятие истины в прагматизме, впрочем, как и психоанализе, стало рассматриваться безотносительно к проблеме познания мира самого по себе. Истина в прагматизме есть условное образование, призванное служить нашим практическим целям, причем безотносительно к тому, какой весь мир сам по себе. Эта тема намечена ещё К. Марксом, но более артистично она высказана Ницше.

Для Ницше фигура интеллектуала и учёного есть уже типичная фигура стандартной и усреднённой личности. Учёный есть просто обычный и банальный инструмент измерения мира и вещей в мире, коль скоро наука стала массовой деятельностью. Учёный стал типичным представителем усреднённой массы. В классической философии поиск истины есть личностный акт, когда в системе общественных отношений я занимаю независимую позицию, то есть, реализуя свободу своего ума, свою личностную свободу в самом акте исследования. После Ф. Бэкона тема очищения сознания стала основной в новоевропейской философии. Одним из основных становится стремление избавиться сознание от всех архаических и традиционно-религиозных элементов. Тема «идолов» вплетена в общий метафизический контекст и рассуждений К. Маркса. Как отмечает А.Б. Баллаев: «Это - отчуждённые «сущности» или «идолы» для поклонения и подчинения, и, следовательно, то, что Маркс обозначил общим термином «идеология»» [1, с. 60]. Человек, живущий привычным образом в обществе, не дан самому себе в своей подлинной самости, поэтому он во многом, в эмпирически прилегающих к нему обстоятельствах, есть недействительный, иллюзорный человек. У Ницше тема очищения разума выступает парадоксальным образом, коль скоро основным идолом для него оказывается сам человек. Речь идет о внутренне пустом человеке, не способном вбирать в себя всю сложность мира как такового; массовым человеку как феномене современного мира. Это есть тот «естественный» человек, который желает жить в обществе, не прилагая при этом никакого

усилия работы над самим собой, усилия, которое Декарт и другие мыслители называли вторым рождением.

Весьма велик соблазн безответственности, соблазн безответственности и рабской природы, а свобода требует постоянного и непрерывного усилия. Мысль Ницше считают негуманной, и это действительно так, если под гуманизмом понимать возвеличивание человека как такового, в приписывании ему всевозможных добродетелей и высоких качеств, которыми он якобы обладает сам по себе; то есть только потому, что он есть человекообразное в своем естественном рождении существо. Отсюда и фраза Ницше: человеческое слишком человеческое! Вот такой придуманный гуманизм человек, если его простукать как идол, он оказывается внутренне совершенно полым, ничем подлинно человеческим незаполненным, то есть ни ответственностью, ни надлежащим личным усилием. Необходимо сверхчеловеческое, чтобы преодолеть такое «естественное» и «слишком человеческое». За кулисами такой сцены «слишком человеческого» является датский мыслитель С. Кьеркегор.

Религиозная вера согласно Кьеркегору, каждый раз воспроизводится как личная вера, как личная мысль и жизнь со страхом и трепетом. Он оказывается одним из первых критиков классической рациональности, если игнорировать романтизм как в некотором смысле побочное явление. Он обратил внимание на то, что метафизика как система не вмещает в себя феномен индивидуального переживания и личности как таковой [3]. Гегелевская философия истолковывает историю как шествие мирового духа, который проходит разные ступени и степени осознания свободы, и в этом поступательном шествии он пользуется индивидами и народами, нациями и государствами как инструментами своего развития и осуществления. «Поэтому действительная история разворачивается у Гегеля так, что она имеет абстрактного, мистифицированного, воображаемого носителя, который, конечно, может творить лишь абстрактную, мистифицированную, воображаемую историю» [4, с. 601]. А для Кьеркегора человеческая индивидуальность — это по сути дела всё. Новоевропейская классическая философия предполагает существование некоторого трансцендентного мира, который содержит в себе провиденциальный план всех последующих событий. И каждый отдельный человек, как абсолютная и духовная монада, способен воспроизводить в себе все сложность простираемого вне его мира. Философ у Гегеля есть предельный образ человека, то есть такого микрокосма, которые воспроизводят в себе всю сложность макрокосма. При этом допускалась гармония мира, заключающаяся в себе провиденциальный план, благобно ориентированный на человека, направленный на пользу человеку. Но в жизни каждого отдельного человека бывают такие поступки, которые не опосредуются обращением к такого рода плану мироздания, к разгадыванию тайн мира.

Имеется здесь в виду вопрос о непосредственной достоверности. Речь идёт о бытии мыслителя, который не нуждается в том, чтобы строить метафизику как систему. Скажем еще так, что если бы я не мыслил таким вот образом, то меня быть может и не было именно таким, каким я сейчас есть. Если, например, человек полагает, что имеет место неразрушимая этическая субстанция, которая является одним из важнейших условий человеческого существования, то это есть один человек; а тот, который кто это отрицает или вообще об этом не думает, тогда это уже другой человек. Кьеркегор говорит, что философия классического рационализма забывает о человеческой экзистенции. Между тем как «с человечеством, замечает **Кьеркегор**, что-то произошло. В нем как бы не хватает главного» [2, с. 139]. Есть простые правила общежития, предполагающее обычные моральные поступки, которые не нуждаются в сложнейших интеллектуальных построениях. Важна сама возможность и необходимость таких поступков, не требующих оправдания и тем более идеократического контекста, который в России часто имел определяющее значение. Философия есть нечто не профессиональное, то есть не религиозное. Обращение к бытию Бога есть, как бы сказал Кант, постулат практической веры, призванный организовывать нашу жизнь. При отсутствии этого постулата наша жизнь была бы другой. Когда мы говорим, например, о бессмертии души, то мы мыслим прежде всего о бытии, а не о существовании. Это метафизическое, то есть не проверяемое на опыте утверждение. Если такие мысли есть, тогда в мире появляется один человек; если их нет, тогда будет уже другой человек [11]. Мы говорим ещё о пустом человеке, лишённом всякого внутреннего усилия. Отсутствует соотношение себя с некоторыми символами и смыслами, с переживаниями этого отношения на уровне ответственности и риска в своей собственной жизни. Просто так что-то думается, во что-то вообще верится и больше ничего. Это и есть полый и массовый человек, требующий гуманистической и прочей опеки. Это и есть человеческое, по словам Ницше, слишком человеческое. «Вопрос о сущности человека, о том, применимо ли к человеку само понятие сущности, вновь был поставлен Ницше» [6, с. 96].) Тут у него появляется тема воли к власти. Это одновременно есть тема и сверхчеловека. Воля к власти — это непрерывно повторяющиеся и постоянно практикуемое отталкивание от самого себя. Любой человек в потенции должен стремиться превзойти самого себя. Подлинно человеческое достигается лишь в той мере, в какой оно стремится сверхчеловеческому. Не было бы человеческого, не будь стремления к сверхчеловеческому. Здесь имеет место предельная ситуация мысли как таковой. Философ всегда строит какую-то условную ситуацию, которая требует предельного понимания. Важно довести мыслимую ситуацию до максимально возможного вида. Когда Ницше говорил о воле к власти, то речь вовсе не идет о господстве и подчинении. Нужно преодолеть самого себя, превзойти самого себя, поэтому Ницше кри-

тикует разум с его стандартными рассуждениями и с присущим ему стремлением все объективировать. Такой разум постоянно сковывает волю «если под волей понимать некую способность человека самоопределиться в чем-то впервые, здесь, сейчас, без каких-то помимо самой воли оснований».

... Своеволие – это нечто, что является основанием самого себя, это то, исходной инстанцией, оправданием чего является сама воля» [5, с. 91–92].

Подлинный творческий акт в каждый отдельный момент связан с преодолением наличных границ, существующих рационализаций и объективаций, стандартных мыслей и привычных навыков мышления. Используя блестящие метафоры и сравнения, Ницше пытается разрушить существующие в языке синтаксические и смысловые связи, неспособные выражать уникальные переживания. Он говорит, что разум есть просто усреднение мысли. В «Сумерках идолов, или как философствуют молотом» Ницше пишет, что «мы видим ровно настолько, насколько предрассудок разума принуждает нас применять единство, идентичность, постоянство, субстанцию, причину, вещьность, бытие, некоторым образом впутывает нас в заблуждение, *приневоливает* к заблуждению...» [8, с. 570]. Одно из основных заблуждений заключается в утверждении, что «мы должны были быть божественными, ибо мы имеем разум». «В самом деле, ничто до сих пор не имело более наивной силы убеждения, нежели заблуждение о бытии, как оно сформулировано, например, элеатами: ведь за него говорит каждое слово, каждое изрекаемое нами предложение! – Также и противники элеатов подчинялись обольщению их понятием бытия: в числе других и Демокрит, когда он измыслил свой *атом*... «Разум» в языке – о, что это за старый обманщик! Я боюсь, что мы не освободимся от Бога, потому что ещё верим в грамматику...» [8, с. 570–571]. Выразительные средства языка неприемлемы для постижения становления. Мы пребываем в грубом мире преходящих вещей, которые ускользает от выражения, и в силу этого обстоятельства, язык умолкает. Язык с грамматической точки зрения — это выражение сущего, выражение порядка бытия, а не становления. «Язык, по его возникновению, относятся ко времени рудиментарнейшей формы психологии: мы впадаем в грубый фетишизм, если вводим в наше сознание основные предположения метафизики языка, по-немецки: *разума*» [8, с. 570].

Речь идет о работе человеческого сознания, о способности людей реагировать на некую устойчиво сложившуюся и определившуюся ситуацию рациональности, являющуюся выражением универсальной духовной культуры. В такого рода интеллектуальной атмосфере, с присущи ей набором символического инструментария, например - поиском истины и вопросом о бытии, мы оказываемся в плену правил, обусловленных самим этим интеллектуальным действием, метафизикой действия разума. Именно так ведут себя ученые, оправдывая свое невежество, тем, что действуют, руководствуясь высшими принципами, а на самом деле реализуют свое чувство мести. Этот механизм действия оказывается сродни идеологическому деянию, где всякий призыв к разуму оборачивается реализацией установки на предание некоей духовной санкции представлениям, претендующим на универсальность, но являющимися не более, чем симптомом подозрительности, гневной страсти и презрения.

Феномен идеологического разума обусловлен единым метафизическим контекстом детерминированным пониманием бытия как воли, будь то воля класса, классовой солидарности К. Маркса, воля к жизни, пропитанная волей к власти мысль Ф. Ницше или господство инстинктивной составляющей жизни человека в психоанализе. В любом случае, мысль получающее свое место в такого рода метафизическом измерении строится уже не на ответственном внимании, а реализует себя в определенной программе действия, направленной на внушение и разоблачение. Теперь все зависит от способности программировать и зомбировать, внушать те или оценки и суждения. Стремление направлять и руководить сознанием, навязывать собственные интересы и потребности определяет ключевую направленность сознания, развертывающегося в идеологическом измерении. Базовым компонентом идеологического разума становится его функциональность. Вот почему вопросы, об истине или о бытии, то есть собственно конститутивные вопросы фундаментальной философской мысли уходят на второй план, а эффективность, функциональность и действенность становятся его ключевыми атрибутами. Такая ситуация рациональности подчинена только одному – идеологической систематизации неконтролируемых ей самой процессов и связей. Именно о такого рода процессах говорит и К. Маркс и Ф. Ницше и вся психоаналитическая традиция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллаев А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // История философии. №3. М., 1998. С. 55–75.
2. Бибихин В.В. История современной философии (Единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.
3. Лёвит К. От Гегеля к Ницше: революционный перелом в мышлении XIX века.: Маркс и Кьеркегор. СПб: Владимир Даль, 2002. 679 с.
4. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.

5. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 608 с.
6. Марков Б.В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2005. 788 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. XVI, 574 с.
8. Ницше Ф. Сумерках идолов, или как философствуют молотом // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 556–630.
9. Сергеев К.А. Философия Канта и новоевропейская метафизическая позиция // Очерки истории классического немецкого идеализма / Ю.В. Перов, К.А. Сергеев, Я.А. Слинин. СПб.: Наука, 2000. С. 8–153.
10. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 177–192.
11. Hermeneutik und Ideologiekritik / Mit Beitr. von Karl-Otto Apel et al. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971. 316 s.

© Торубарова Татьяна Викторовна (ttorubarova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Курский государственный университет